

Два типа дативных предложений в русском языке*

Одной из специфических, хотя и не уникальных, черт русского языка является наличие моделей предложения, где семантический субъект оформлен дательным падежом¹. Наиболее продуктивны трехчастная структурная схема $N_{\text{dat}} — V_{\text{link}} — \text{Pred}$ с дат.п. лица, связкой и именным несогласуемым предикативом (словом Категории Состояния в терминах Л.В.Щербы), ср. рус. *Мне грустно, Васе стало тревожно*, и двухчастная структурная схема $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$ с дат.п. одушевленного/неодушевленного субъекта и инфинитивом — ср. рус. (а) *Всем встать!* (б) *Вася эту кашу заварил, Васе и расхлебывать*, (в) *Фургону тут не развернуться*, (г) *Некому работать* и т.п. Тем не менее, представление о наличии в русском языке продуктивных моделей предложения с подлежащеподобным актантом в дат. п. чуждо отечественной традиции: сам термин «дативное предложение» более характерен для работ западных славистов, где принимается тезис о том, что между признаками «подлежащность» и «им.п.» нет необходимой связи, ср. (Franks 1995; Moore & Perlmutter 2000)². В 1990-е и 2000-е гг. главное внимание уделялось двухчастным схемам с инфинитивом в позиции главного предиката независимого предложения, при этом большинство исследователей считало их двусоставными, т.е. трактовало актант в дат.п. как подлежащее. Вслед за работами (Fortuin 2005) и (Kondrashova 2007) мы будем называть их дативно-инфинитивными структурами (ДИС). Для трехчастных схем с предикативом введем обозначение дативно-предикативные структуры (ДПС), апробированное нами в работе (Zimmerling 2007). Непосредственно ясно, что актант в дат.п. в ДИС типа *ему еще работать и работать над статьей* нельзя представить в качестве управляемого элемента, т.е. нисходящей валентности инфинитива: это значит, что ДИС являются двусоставными предложениями, а вопрос о том, является ли в них актант в дат.п. грамматическим

---

* Статья написана при финансовой поддержке проекта РГНФ № 06-04-00203а «Типология языков со свободным порядком слов и модели инверсии».

¹ Близкие или идентичные синтаксические схемы с дат.п. семантического субъекта есть, например, в таких европейских языках как древнеисландский и фарерский (Циммерлинг 1998; Циммерлинг 2002: 617-642, 715-721), новоисландский (Sigurðsson 2002), литовский и латышский, чешский и т.д.

² Большинство зарубежных авторов, пишущих о дативных предложениях в русском языке, опираются на материал последней академической грамматики русского языка и полностью доверяют суждениям последней о грамматичности/неграмматичности примеров. В этой связи особенно досадно, что молодое поколение русских ученых, которое ориентируется на работы западных славистов, не ссылается на «Граматику 1980» и пребывает в неведении о достигнутых в ней результатах.

подлежащим или нет, в основном носит догматический характер, т.е. решается в зависимости от принятых в той или иной теории соглашений о природе главных членов.

Ситуация с ДПС менее очевидна. Интуитивно неясно, стоит ли выделять ДПС на общем фоне конструкций без подлежащего в им.п., и что именно маркировка дат.п. вносит в семантику примеров вроде (1) и (2).

(1) <Юлия Михайловна! > *Вас_i не затруднит* [_{IP} PRO_i поднять_i цифры за ноябрь месяц]

(2) <Юлия Михайловна! > *Вам_i нетрудно* [_{IP} PRO_i поднять_i цифры за ноябрь месяц]

Традиционная грамматика и умеренные версии генеративной грамматики оставляют достаточно простора для интерпретации этих конструкций. Проще всего считать, что выражения вроде рус. *не затруднит кого-л.*, *нетрудно кому-л.* по своим словарным характеристикам относятся к классу безличных предикатов и не открывают позиции подлежащего. В таком случае вершину предложения занимает сам безличный предикат, а все его валентности являются нисходящими. Такой подход отстаивает Л.Бэбби (Babby 2002). Во-вторых, можно считать, что позиция подлежащего в примерах типа (1) и (2) замещается инфинитивным оборотом, который выражает признак «синтаксический им.п.». Решение, близкое к этому, предлагал Ю.Д.Апресян (Апресян 1985); возражения высказаны в (Циммерлинг 1998; Zimmerling 2007). В третьих, можно считать, что предикаты *не затруднит кого-л.*, *нетрудно кому-л.* в (1) и (2) не допускают подлежащего в им.п., но требуют подлежащего в косв.п.: в таком случае выражения *вас* в (1) и *вам* в (2) и есть «подлежащие в косв. п.» (*oblique subjects*). Теории такого рода имеют некоторое распространение в западной славистике, ср. (Szucsic 2007). Но как бы ни решалась проблема выбора подлежащего на уровне универсальной грамматики, без рассмотрения частных фактов русской грамматики непонятно, почему примеры (1) и (2) должны трактоваться по-разному; ясно лишь, что глаголов класса *не затруднит*, требующих в безличном (?) употреблении вин.п., в русском языке меньше, чем именных предикатов класса *нетрудно*, требующих в ДПС дат.п.

Доводом в пользу трактовки ДПС как двусоставных структур является наличие в русском языке омонимичных предложений с актантом в дат.п.: так, в примере (3) элемент *Михаэлю* является нисходящей валентностью инфинитива *сказать*, т.е. обычным дополнением в дат.п., между тем, как в омонимичном примере (4) элемент *Михаэлю* связан не с инфинитивом *сказать*, а с предикативом *нельзя*.

(3) Михаэлю_i ∅_j нельзя [IP PRO_j ничего сказать ____i], — раздраженно пояснял он³. <т.е. Другие люди не могут делать ему замечания, так как М. неадекватно на них реагирует>⁴.

(4) Михаэлю_i нельзя [IP PRO_i ничего сказать] <Другие люди ущемляют М. в правах, лишая М. возможности что-либо высказать>.

Неясно, какую синтаксическую связь, кроме свойства «быть носителем предикатного признака», можно усмотреть между *Михаэлю* и сказуемым *нельзя ничего сказать* в примере (4). Поэтому элемент *Михаэлю* в (4) легче признать аналогом подлежащего, чем дополнением предикатива *нельзя*: ср. стандартное дополнение в вин.п. *ничего*, управляемое инфинитивом *сказать* в (3) и (4), а также дополнение в дат.п. в составе группы [IP *сказать Михаэлю*] в (3). Случаев синтаксической омонимии, аналогичных примерам (3) и (4), для глагольно-безличных схем с вин.п. типа (1) в русском языке нет, поэтому меньше оснований считать, что актант в вин.п. является не дополнением безличного глагола, а чем-то еще.

С учетом этих фактов стоит внимательней оценить расхождения между ДПС и глагольно-безличными предикатами типа *вас не затруднит* в (1). Обнаруживаются еще три критерия. Во-первых, предикативы в ДПС не имеют в современном русском языке валентности на И(менные)Г(руппы) в им.п.: фраза Г.Р.Державина '*Премудрость я оставил. Не надо мне она*' ныне была бы признана неправильной. Соответствующий запрет означает, что управляемая ИГ не может маркироваться в русском языке им.п., иными словами, русский язык запрещает дополнения в им.п.⁵ Значение этого параметра можно обозначить «-Nominative Object»⁶. Данное ограничение не затрагивает глагольно-безличные предикаты, управляющие вин.п.: не выраженный в безличной схеме актант нередко можно номинализовать в позиции подлежащего в двусоставной схеме при том же самом глаголе, ср. *эти действия-мн.ч. вас не затруднят-мн.ч.* где тот же глагол *затруднить* принимает подлежащее в им.п., контролирующую его форму, т.е. выступает

³ Используемые стандартные сокращения и синтаксические пометы читаются так: IP – группа инфинитива, PRO – нулевое подлежащее нефинитной предикации, кореферентное некоторому элементу в вышестоящем предложении, ∅ – нулевая синтаксическая категория, ___ (нижнее подчеркивание) – место перемещенного синтаксического элемента.

⁴ Пример из газеты «Спорт-Экспресс-интернет» за 1.07.2008. Полный контекст примера (3): < Парень не воспринимает замечания. Ведет себя так, словно он уже чемпион мира >.

⁵ Спорный случай образуют посессивные и квазипосессивные предложения типа рус. *у меня есть книга, у X-а картошка не куплена* (в зн. «X не купил картошку»), где объект обладания/распоряжения оформляется им.п. В этом случае посессивный расширитель *у + род. п.* является конституирующим элементом схемы предложения. Однако критериев, позволяющих однозначно утверждать, что он является грамматическим подлежащим, нет.

⁶ В древнерусском языке данный параметр имел значение «+Nominative Object», поэтому высказывания типа *надобно земля-им.п. пахать* были грамматичны: соответствующая конструкция характерна также для некоторых балтийских и германских языков.

как личный. С предикативами, формирующими ДПС, такая парафраза не проходит, ср. **Эти действия нетрудны*, ??*Эти действия нетрудные*. Кроме того, предикатив *нетрудно* на синхронном уровне нельзя рассматривать как форму краткого прил. *нетруд-ен/-а/-о* или, тем более, полного прил. *нетрудный*, в то время в парах предложений вроде *вас не затруднит поднять цифры.../это действие вас не затруднит* мы явно имеем дело с одной и той же лексической единицей.

Во-вторых, схемы с переходными безличными глаголами, управляющими вин.п., выражают предикацию действия, а актант в вин.п. имеет роль объекта действия, Пациенса. Напротив, именные предикативы, имеющие валентность на дат.п. семантического субъекта, — ср. *мне стыдно за свое опоздание*, *ему нужно переписать статью*, *вам нетрудно будет это выяснить* и т.п. — как убедительно показал еще Л.В.Щерба в 1928 г., описывают не действие, а таксономическое значение состояния (Щерба 1974), ср. также (Селиверстова 1982; Циммерлинг 1998). Семантический субъект ДПС не является Агенсом, активным определяющим участником ситуации, но отсюда не следует, что его нужно отождествлять с Пациенсом в семантическом описании, где кроме Агенса и Пациенса есть и другие роли.

В-третьих, семантический ДПС всегда является одушевленным, ср. традиционное название соответствующего употребления дат.п. как «дат.п. лица» (*dativus personae*), в то время как семантический субъект глагольно-безличных схем с позицией управляемой ИГ в вин.п. может быть и неодушевленным. С нашей точки зрения, в предложениях вроде рус. *вас-вин.п. не затруднит поднять цифры* реализуется та же синтаксическая схема с единственным внешне выраженным актантом-Пациенсом, что и в предложениях вроде рус. *лодку-вин.п. качает, чемодан-вин.п. отбросило [взрывной волной] на пять метров*, а в высказываниях вроде рус. *эти действия-им.п. вас-им.п. не затрудняют, меня-вин.п. бесят его опоздания-им.п.* — та же схема с внешне выраженными Агенсом и Пациенсом, что и в предложениях вроде рус. *взрывная волна-им.п. отбросила чемодан-вин.п. на пять метров*. Если номинализовать Агенса в позиции подлежащего всех этих глаголов, изменится количество внешне выраженных актантов, но не ролевая семантика дополнения в вин.п., которое сохраняет роль Пациенса. Поэтому логично считать, что данная роль приписывается самими переходными глагольными лексемами, а наличие/отсутствие внешне выраженного подлежащего со значением Агенса не влияет на данную способность⁷.

---

⁷ К аналогичному выводу разными путями пришли Л.Бэбби и И.А.Мельчук (Babby 2002; Mel'čuk 1979). С точки зрения семантики уместно считать, что роли Агенса и Пациенса в валентной рамке предиката всегда соотносимы. В этом случае, если допускающие безличную трансформацию переходные глаголы вроде *качать*, *бесить*, *затруднять* являются в русском языке предикатами действия, они сигнализируют наличие

Если предыдущее рассуждение верно, глагольно-безличная конструкция с вин.п. в примере (1) и конструкция с предикативом (ДПС) в примере (2), обладают совершенно разными свойствами, несмотря на то, что сами примеры (1) и (2) ситуативно эквивалентны.

Рис. 1. Глагольно-безличные схемы и ДПС

	Глагольно-безличная конструкция с переходным глаголом и ИГ в вин.п.: $N_{acc} — V_{imp\ trans}$	ДПС с предикативом, связкой и дат.п. лица: $N_{dat} — V_{link} — Pred$
1. Количество конституирующих компонентов/позиций:	2	3
2. Наличие синтаксической омонимии: дополнение в косв.п. vs. подлежащеподобный актанта в том же падеже:	Нет	Да
3. Запрет на сочетаемость с им.п. в употреблениях того же предиката:	Нет	Да
4. Таксономическое значение предиката:	Действие	Состояние
5. Ролевая семантика конституирующего актанта в косв.п.:	Пациенс	Субъект Состояния
6. Требование обязательной одушевленности конституирующего актанта в косв.п.:	Нет	Да

Использование метаязыка «Грамматики 1970» и «Грамматики 1980» побуждает напомнить об отношении академической традиции к данному фрагменту русской грамматики. Мы считаем «Грамматику 1970», «Грамматику 1980» выдающимся достижением отечественной науки и полагаем, что лежащая в их основе концепция, в целом, не устарела. Однако, как это ни покажется странным, в «Грамматике 1980» термин

нулевого Агенса с примерным значением «Мир», «Стихия». Это решение предлагает теория А.А.Холодовича и И.А.Мельчука: последний позже обосновал гипотезу о том, что нулевой Агенса $\emptyset^{3sg}$ со значением «Стихия» (Elements) в русских предложениях типа *улицу занесло снегом* является нулевой лексемой со свойствами грамматического подлежащего, и что данные предложения — двусоставные (Мельчук 1995). В работе (Zimmerling 2007) мы показали, что нулевые лексемы Мельчука могут быть описаны как нулевые местоимения 3л. со значением нереферентного Агенса. В контексте данной статьи вопрос о признании синтаксических нулей и свойствах последних не имеет решающего значения. Мы настаиваем здесь лишь на том, что «Нулевой Агенса» Мельчука, независимо от того, понимается ли он как грамматическое подлежащее, или нет, нельзя постулировать в ДПС, так как там нет внешне выраженного коррелятивного актанта со значением Пациенса.

«дательное предложение» не употребляется вовсе, а соответствующие структурные схемы помещены в разряд односоставных (однокомпонентных), за вычетом предложений типа *можно ехать, приказано отступить*, а также предложений типа *Некому работать*. Первая группа примеров попала в рубрику «не подлежащно-сказуемых двухкомпонентных предложений», а вторая группа — в рубрику «предложений с лексически ограниченным составом компонентов»: ни в том, ни в другом случае наличие ИГ в дат.п. не является для авторов «Грамматики 1980» конституирующим признаком модели — ядерными компонентами в первом случае признаются инфинитив и вводящий его предикатив (Грамматика 1980 II, 321), а во втором — инфинитив и стоящее при нем отрицательное местоимение (не обязательно в дат.п.) — (Грамматика 1980 II, 321). Столь враждебное отношение к дат.п. и недоверие к его субъектному потенциалу объясняется тремя причинами — 1) неприятием гипотезы Л.В.Щербы – В.В.Виноградова – Н.С.Поспелова о наличии в русском языке КС, т.е. класса слов, ориентированных на дательное предложение⁸; 2) редуccionистским подходом Н.Ю.Шведовой и ее соавторов, которые объявляют неядерным любой компонент структурной схемы, который можно опустить в речи без явного изменения предикатной семантики, ср. *мне грустно* → *∅ грустно*, *Фургону тут не развернуться* → *∅ тут не развернуться*, *людям есть нечего* → *∅ есть нечего*⁹; 3) нежеланием пересматривать концепцию двусоставности, при котором падежом подлежащего в русском языке может быть только им.п., а косвенный падеж не может им быть ни при каких обстоятельствах (Грамматика 1980 II, 241-242)¹⁰.

⁸. Ср. формулировку («Грамматики 1980 II, 380): «Семантика схемы — «наличие состояния — бессубъектного или отнесенного к субъекту» конкретизируется в предложении как состояние бессубъектное (*Морозно. Сыро. Тепло. Похоже на сумерки. Пусть будет так.*) или субъектное (*Весело. Неловко. Ему и невдомек*)». Предвзятость заложена уже в подборке примеров: предложения *похоже на сумерки* и *пусть будет так* вообще не передают значения состояния и к тому же относятся к другим структурным схемам — ср. *Сумерки. Так и есть*. Кроме того, не учитывается то, что некоторые предикаты первой группы имеют валентность на дат.п. и могут передавать как «бессубъектные», так и «отнесенные к субъекту» состояния, ср. *Мне тепло/холодно ~ Здесь тепло, холодно*. Получается, что критерий разделения «бессубъектных» и «отнесенных к субъекту» состояний привязан к тому, что предикаты класса *невдомек, весело, неловко* вообще не могут обозначать состояния природы и всегда обозначают состояние человека. Но открытое признание этого факта подорвало бы принцип классификации, избранный авторами «Грамматики 1980».

⁹. Авторы «Грамматики 1980» признают ИГ в дат.п. семантическим субъектом данных конструкций, но трактуют его как «детерминант», т.е. универсальный расширитель схемы предложения, не зависящий от валентной рамки конкретного глагола. О «субъектном детерминанте» схемы с инфинитивом N_{dat} — [V_{inf}] говорится, что «такое распространение... для инфинитивных предложений возможно всегда (разрядка наша — А.Ц.). Это объясняется тем, что уже сама семантика схемы таких предложений предполагает того, кто должен (может, способен и т.д.) совершить действие или стать носителем состояния, того, с кем должно что-то произойти; иными словами, действие или состояние здесь всегда отнесено к субъекту» (Грамматика 1980 II, 377).

¹⁰. В указанном месте авторы «Грамматики 1980» признают, что позиция подлежащего может замещаться 1) количественной группой (ср. *много народу, пять девиц*), 2) предложной группой (ср. *по пять человек, до сорока градусов*), 3) инфинитивом (ср. *Закурить найдется?*), 4) «компаративом» или неизменяемым прилагательным (ср. *Найдутся и **получше***), 5) фразеологическим сочетанием (ср. *мало кто, кто попал*), 6)

Поскольку возражения авторов «Грамматики 1980» против сближения схем с дат.п. семантического субъекта с двусоставными предложениями носят методологический, а не эмпирический характер, не кажется странным, что в двух исследованиях, использующих материал и научный аппарат «Грамматики 1980», — (Гришина 2002) и (Бонч-Осмоловская 2002) — гипотеза о наличии в русском языке особой дативной конструкции предложения была поставлена. Две эти работы, по разным причинам малодоступные основной массе русистов — диссертация А.Бонч-Осмоловской, защищенная в МГУ в 2003, не опубликована, а монография покойной Н.И.Гришиной издана ограниченным тиражом — по сей день остаются единственными попытками охватить всю совокупность дативных схем с позицией дат.п. в русском языке и обосновать их внутреннее сходство. Подход исследовательниц близок¹¹: и Н.И.Гришина, и А.Бонч-Осмоловская утверждают, что все схемы предложения, где семантический субъект выражается дат.п. в русском языке, обладают некоторой общей семантикой и совокупностью синтаксических свойств. В их употреблении термин «дативные предложения» покрывает по меньшей мере 5-6 разнородных схем с ИГ в дат.п.: 1) ДИС, ср. *Васе еще работать и работать*; 2) ДПС, ср. *мне нетрудно прочесть эту статью*; 3) дат.п. при безличных глаголах ментальной и чувственной сферы, ср. *мне хочется пить*; 4) дативно-номинативные предложения, где ИГ в им.п. контролирует согласовательную форму глагола, ср. *Васе понадобилась книга/понадобились книги*; 5) дат.п. при безличных модальных глаголах, ср. *Васе не удалось уехать*; 6) дат.п. при деагентивных безличных глаголах, производных от глаголов действия, ср. *ему сейчас икается*.

Общей характеристикой перечисленных конструкций является а) обязательная одушевленность, б) инактивность семантического субъекта: эти два признака и составляют то содержание, которое лингвисты соотносят с ярлыком «дат.п. лица». Но гипотеза о том, что все схемы с позицией «дат.п. лица» должны иметь общую семантику и синтактику, необязательна: с равным успехом то же самое можно утверждать обо всех схемах с позицией подлежащего в им.п и т.д. В данной статье мы не будем формально

целым предложением, вводимым в качестве цитаты (ср. *«Дай отсрочку» тебе не поможет*), 7) свободным словосочетанием, признаваемым нечленимым в конкретной ситуации (ср. *опытный человек, чувство вины*). В этом списке подлежащих выражений, как нетрудно заметить, нет беспредложных форм в косвенных падежах, а также словосочетаний и предложений, не являющихся цитатами. Перечень выглядел бы менее натянуто, если бы авторы «Грамматики 1980» приписывали бы свойство «быть подлежащим» не вершинному слову в им.п., а всей синтаксической группе в целом, как это принято в грамматике составляющих: при этом отпала бы необходимость объяснять, что выражение «чувство вины» является не подлинным подлежащим, а его заместителем, и ссылаться на то, что в контексте употребления у данного выражения возникает единый и нечленимый референт. Создается впечатление, что догмой «Грамматики 1980» является грамматика зависимостей, при чем не только в разделах, где это признается открыто (например, в описании понятий валентности и управления), но и в других разделах, где читателю было бы полезно знать о допущениях, лежащих в основе предлагаемому ему решений.

¹¹ По неясным причинам в работах А.Бонч-Осмоловской и Н.И.Гришиной нет ссылок друг на друга.

опровергать гипотезу о наличии в русском языке единого дативного предложения. Мы намерены решить более частную задачу — показать, что ДИС и ДПС нельзя свести к одной и той же конструкции, так как у них разная семантика и структурные свойства. Наш конечный вывод согласуется с точкой зрения Л.Бэбби и С.Фрэнкса о том, что ДИС и ДПС воплощают разные употребления дат.п. — в ДПС дат.п. подлежащеподобного актанта приписывается предикативом как лексической вершиной (is assigned lexically), в то время как дат.п. подлежащеподобного актанта ДИС не приписывается инфинитивом, но является встроенной характеристикой самой синтаксической схемы (т.н. default case), точно так же, как им.п. в двусоставном финитном предложении. Однако в отличие от Л.Бэбби и С.Фрэнкса, мы настаиваем на том, что различия в конфигурации и семантике ДПС и ДИС не выводятся из различий в механизме приписывания падежа.

Прежде всего отметим, что валентность на дат.п. лица у русских предикативов, формирующих ДПС, не является тривиальным свойством — она очерчивает семантический класс предикатов внутреннего состояния. Вслед за (Булыгина 1982; Селиверстова 1982) определим предикаты данного класса как выражения, указывающие на пребывание субъекта в некотором неизменном состоянии, не являющемся результатом чьего-либо непосредственного воздействия¹², в течение некоторого отрезка времени¹³. Такому определению в русском языке удовлетворяет не более 150-160 единиц, способных формировать ДПС, если считать не только лексемы (*X-у пора уходить*, *X-у стыдно за свое поведение*, *X-у грустно, что его дочь опоздала*), но и устойчивые сочетания вроде *X-у не с руки*, *X-у не к спеху*. Тот факт, что способность русских предикативов формировать ДПС есть семантический тест, лучше выявляется не при рассмотрении изолированных форм типа *стыдно*, *совестно*, *жаль*, *надо*, *пора*, которые лишены согласовательных коррелятов (**стыдный*, **совестный* и т.п.), а при рассмотрении тех слов с финалью–о, которые соотнесены с основами прилагательных. Сразу обнаруживается, что далеко не все предикативы на –о, которые могут обозначать ситуативные признаки и употребляться в схеме Adv — Pred и *Это*— Pred, формируют ДПС: ср. правильно построенные предложения *здесь пыльно*, *сегодня морозно*, *это алогично*, *это аморально* при аномальных **мне пыльно*, **мне морозно*, **вам алогично*, **все аморально*. Такое

¹² По этому признаку предикаты состояния противопоставлены т.н. результативам, т.е. предикатам, указывающим, что пребывание лица или предмета в данном состоянии есть следствие некоторых процессуальных изменений (ТРК 1984). Стандартными результатами в русском языке являются предикатные формы причастий, соотнесенные с исходными глагольными предложениями: так рус. *ручка сломана* соотносится с ситуацией, обозначаемой предложением *X сломал ручку*, а рус. *Вася рассержен* может соотноситься как с ситуацией, обозначаемой предложением *X рассердил Васю*, так и с ситуацией, обозначаемой предложением *Вася рассердился*.

¹³ Этот признак, как показал уже сам Л.В.Щерба (Щерба 1974) противопоставляет состояния предикатам свойства (качества), выражающих вневременные характеристики, ср. *Вася — дворник*, *Катя красивая/Катя — красивая женщина* и т.п.

распределение реабилитирует гипотезу Л.В.Щербы о КС в том плане, что те 150—160 единиц, которые формируют ДПС, действительно имеют таксономические признаки состояний.

В отличие от Н.С. Пospelова и других последователей Л.В.Щербы мы не стремимся доказать, что те предикативы, которые возможны в ДПС, являются единственными предикатами состояния в русском языке: мы допускаем, что под то же таксономическое значение могут быть несогласуемые синтаксические единицы вроде *[X] навеселе/наготове/ не в своей тарелке* и т.п., реализующиеся в двусоставных схемах при подлежащем в им.п., а также часть диалектных форм с ударной приставкой *во-* типа *вокись, вонизко, вотесно*, приводимых А.Б.Пеньковским (Пеньковский 2004: 141-143)¹⁴. Тезис о том, что все эти разряды форм тоже имеют значение состояния, требует более детального разбора, чем мы можем себе здесь позволить. Но как бы ни решался вопрос о предикации состояния в русском языке, стоит признать, что у ориентированных на ДПС предикативов есть своя специфика. В данной статье примем без доказательств, что ДПС всегда сигнализирует в русском языке значение «пребывание одушевленного субъекта в определенном состоянии в течение отрезка времени»¹⁵. У отдельных предикативов ДПС есть дополнительные логико-семантические характеристики. Можно выделять модальные операторы — *Васе можно/нельзя/надо/лучше не обманывать клиентов*, параметрические оценки — *Васе высокогато/низкогато*, прескрипторы — *толстым вредно есть по ночам* и т.д. Но нет оснований думать, что модальные, параметрические или прескриптивные значения отменяют или противоречат базовому значению «состояния» так, как оно было определено выше¹⁶. Синтаксические валентности тоже скорее сближают, чем разделяют предикативы, формирующие ДПС. Четко выделяются две подгруппы — предикативы, имеющие валентность на придаточное, вводимое союзом *что* — ср. *мне грустно/весело/стыдно/жаль, что Р*, и предикативы, лишенных ее, ср. **мне можно/надо/нужно/моторно/тошно, что Р*. Предикативы обеих групп могут иметь

¹⁴ Ср. пример, приводимый А.Б.Пеньковским: *У нас в комнате вонизко, а мы не стукаемся*. Некоторые из форм на *во-* употребляются в структуре, внешне напоминающей ДПС. Но судя по примеру на стр. 142, это иная конструкция, где разрешен актант в им.п.: *Сапоги-то* (им.п. мн.ч.) *вотесно ему* (дат.ед.ч.).

¹⁵ Развернутое обоснование этого тезиса см. в работе (Циммерлинг 1999).

¹⁶ Скептикам предлагается подобрать контрпримеры и найти такие русские предикативы, которые употребляются в ДПС, но при этом не выражают значения состояния ни в одном из своих употреблений. Сделать это проблематично. Так, предложение *студентам полезно читать книги* имеет обобщенного семантического субъекта, для которого постулированное значение «пребывания в определенном состоянии» выглядит умозрительным конструктом. Но в предложении *мне будет полезно ознакомиться с Вашей работой* семантический субъект уже является референтным, а предикатив *полезно* обозначает локализованную во времени ситуацию, имеющую место начиная с некоторого момента в будущем и кончая моментом завершения ознакомления с работой Y-а: в течение этого, и только этого отрезка времени ознакомление с работой Y-а оценивается как *полезное для X-а*. Аналогичные временные ограничения ограничивают срок действия модальных операторов в ДПС (ср. *можно, надо, нельзя*) и релятивизируют их действие набором ситуаций, связанных с актантом в дат.п.

валентность на инфинитивную группу — ср. *мне можно/грустно уходить, Васе надо/жаль увольняться с работы* и т.п. Предикативы обеих групп имеют валентность на ситуативное слово *это*, ср. *мне это противно/мне противно, что Р, мне это нужно* (но **мне нужно, что Р*). Несколько единиц имеют валентность на беспредложное дополнение (ср. *Х-у жалко женщину/больно руку/ почти не слышно музыки*), и около десятка единиц имеет валентность на предложное дополнение, ср. *Васе стыдно за поведение министра*.

Предикативы из подкласса, имеющего валентность на придаточное с союзом *что*, (ср. 5б), могут сочетаться и с ситуативным словом *это*, ср. (5а). Слово *это* и коррелятивное придаточное с союзом *что* сами по себе не исключают друг друга, ср. (5в). Примечательной особенностью русского синтаксиса является тот факт, что в ДПС эта сочетаемость блокируется: при наличии позиции ‘дат.п. лица’ при предикативе ситуативное слово *это* и коррелятивное придаточное с союзом *что* по-прежнему возможны, ср. (5г) и (5д), но их совместное появление исключено, ср. (5е)¹⁷.

(5). а. **Это** неприятно.

б. [Что Вася опоздал], неприятно.

в. **Это**_i неприятно, [что Вася опоздал]_i.

г. [**Это**]_i; **мне** неприятно.

д. **Мне** неприятно, [что Вася опоздал]_i.

е. ***Мне** [**это**]_i/[**это**]_i; **мне** неприятно, [что Вася опоздал]_i.

Такое распределение трудно объяснить без гипотезы о том, что актант в дат.п. имеет признаки грамматического подлежащего ДПС: напомним, что ДПС в русском языке запрещает ИГ в им.п. (**мне неприятно Васины опоздания*), поэтому приписывать слову *это* признак «синтаксический им.п.» и одновременно считать его дополнением предикатива *неприятно* в (5г) нельзя. С другой стороны, если слово *это* в (5г) есть подлежащее, непонятно, как можно настаивать на том, что актант ИГ *мне* в этом примере подлежащеподобен: грамматическая теория справедливо постулирует единственность позиции подлежащего в элементарном предложении (clause). Выход из положения предложен в нашей статье (Zimmerling 2008), где показано, что распределение (5а-е) объясняется иерархией подлежащеподобных выражений. Для предикативов класса *неприятно* лучшим кандидатом на роль подлежащего является актант со значением дат.п.лица: если такой актант есть, и схема ДПС развернута, ситуативное слово *это* и придаточное [*что Р*] не занимают позиции подлежащего. Если же такого актанта нет, и

¹⁷ В русском языке, кроме безударного коррелятивного слова *это*, имеется ударное указательное местоимение ЭТОТ/ЭТА/ЭТО, которое может совместно реализоваться с придаточным при наличии ИГ в дат.п., ср. рус. *ЭТО мне неприятно (что Х опоздал)*.

предикатив реализуется вне ДПС, придаточное с союзом *что* и слово *это* могут замещать оставшуюся вакантную позицию подлежащего. Слово *это* может быть единственным подлежащим предложения тогда, когда оно выступает в некоррелятивной функции, ср. (5а), в противном случае подлежащим является составляющая [*что Р*]. Тем самым, ИГ со значением дат.п. лица является наиболее «сильным» подлежащим, а ситуативное слово *это* наиболее «слабым» подлежащим, которое выбирается тогда, когда других кандидатов нет. Еще раз напомним о том, что русские предикативы класса *неприятно*, и шире, предикативы, формирующие ДПС, — это такие выражения, которые не могут принимать согласуемое подлежащее в им.п., но при определенных условиях могут формировать двусоставные структуры.

Переходя к обзору дативно-инфинитивных структур (ДИС), обозначим две проблемы, возникающие в связи с объяснением дативных схем в «Грамматике 1980»:

- Действительно ли в парах типа *мне грустно* → $\emptyset$ *грустно* нужно брать за основу минимальную реализацию? Не является ли данная пара примером структурной параллели к парам двусоставное : неопределенно-личное предложение, ср. *дворники плохо вымели улицу* → $\emptyset$ *улицу плохо вымели*, с той поправкой, что подразумеваемый, но внешне не выраженный, субъект предиката *грустно* соответствует ИГ в дат.п., а не в им.п., как при предикате *мести улицу*?¹⁸
- Почему инфинитивные предложения типа *Васе решать эту задачу* попали в разряд однокомпонентных, а не двухкомпонентных, несмотря на то, что ИГ *Васе* нельзя без изменения предикатной семантики устранить из схемы высказывания? Предложение *Решать эту задачу!* (приказ, подразумевающий деонтическую модальность «Х обязан решать эту задачу») выражает иное значение, чем *Васе решать эту задачу* (внешнее долженствование, алетическая модальность).

Во всех упомянутых случаях интерпретация ИГ в дат.п. как факультативного дополнения/детерминанта именного предикатива или инфинитива, по меньшей мере, необязательна. В одном случае такая интерпретация невозможна: мы говорим об обойденной вниманием «Грамматики 1980» инфинитивной конструкции с уточнителями

¹⁸. Об анализе неопределенно-личных предложений в терминах нулевых лексем см. (Mel'čuk 1979) и (Zimmerling 2007). И.А. Мельчук доказал, что в русском языке нулевые лексем могут принимать значения «синтаксическое мн.ч.», и «синтаксическое ед.ч.». А.В.Циммерлинг доказывает, что если использовать понятие нулевых субъектных лексем для анализа структурных схем русских предложений, им необходимо приписать признак «синтаксический им.п.».

сам и *один*, которые принимают форму дат.п. даже в том случае, если их антецедент не стоит в дат.п.¹⁹, ср. (6а) и (6б).

(6) а. [_S*Vase*_i – дат.п. *было трудно* [_{IP}*решить эту задачу самому_i/одному_i* -дат.п.]].

б. [_S*Мысль-им.п. о том*, [_{IP}*чтобы решить эту задачу самому_i/одному_i*-дат.п.], приводила Васю_i -вин.п. в ужас].

В примере (6б) дат.п. *самому/одному* не приписывается какой-либо глагольной лексемой в финитном предложении управляющим дат.п. — таких глаголов в предложении нет. Равным образом нельзя считать, что дат.п. *самому/одному* копирует падеж другой ИГ в дат.п. — таких ИГ в предложении тоже нет. Если валентность на дат.п. носителя предикативного признака автоматически возникает в данной конструкции при любом инфинитиве, перед нами неуправляемый, но структурно обязательный дат.п. (ср. невозможность *чтобы решить задачу *сам/один, *самим-тв.п.ед.ч./одним-тв.п.ед.ч.*), который не зависит от выбора конкретного инфинитива и навязывается самим противопоставлением финитной и нефинитной форм предикации (Franks 1995, 256):

- Субъект финитной группы в русском языке принимает им.п, субъект инфинитивной группы — дат.п.²⁰

Различие между управляемым и неуправляемым дат.п. при инфинитиве ясно видно в примере (7):

(7) [_S*Его_i*-вин.п. *бесила мысль-им.п. о том*, [_{IP}*чтобы самому_i*-дат.п. *покупать жене_i*-дат.п. *сапожки*]].

Так как в зависимых инфинитивных группах субъект инфинитива оформляется дат.п. и противопоставлен нисходящим валентностям инфинитива, его можно признать подлежащим. В этом случае уместно распространить ту же трактовку на предложения с

¹⁹ В русском языке XIX в. схема, поддерживаемая употреблением форм *сам*, *один*, имела более широкое распространение: еще использовалась ныне устаревшая конструкция со вторым предикативным дат.п. причастия/прилагательного (secondary dative). Ср. у Ф.И.Тютчева: [[_{PRO}_i – дат.п. *Быть до конца так страшно одиноку_i*– дат.п.], [*как про_i буду одиноку_i*-им.п. *в своем гробу*]]. Наша нотация примера отражает точку зрения о том, что нулевое подлежащее инфинитивной группы (символ PRO) имеет в русском языке падежную маркировку и, в данном случае, получает дат.п. Символ *pro* обозначает опущение тематического подлежащего 1 л. ед.ч. при сказуемом *буду одиноку*: ср. *я буду одиноку*.

²⁰ Альтернатива этой гипотезе Л.Бэбби и С.Фрэнкса выдвинута другими генеративистами. Если принять, что у инфинитивов всегда есть нулевое подлежащее (его обозначают большими буквами PRO), *самому/одному* будет не подлинным подлежащим инфинитива, а приложением к нему. В таком случае можно считать, что оно получает дат.п. от PRO, но для этого нужно приписать нулевому подлежащему падеж, что имеет свои минусы. При этом подходе пример (5б) следует записать [_S*Мысль-им.п. о том*, [_{IP}*чтобы PRO_i*-дат.п. *решить эту задачу самому_i/одному_i*-дат.п.]]. Для традиционной грамматики, где нет постулатов о существовании нулевых лексем и о наличии PRO в любой инфинитивной группе, данная проблема несущественна.

инфинитивом в позиции основного предиката, т.е. на независимые инфинитивные группы, см. примеры (8а-в):

(8) а. *Пете_i-дат.п. — бежать за пивом, а Васе_j-дат.п. — покупать жене-дат.п. сапожки-вин.п.!* (приказ или пожелание, эксплицирующее деонтическую модальность: «Обязанность X-а — покупать сапоги»).

б. *Уволили Васю_i-вин.п. с работы: больше не покупать ему_i-дат.п. жене_j-дат.п. сапожки-вин.п.!* (экспликация алетической модальности: «Внешние обстоятельства не дают X-у покупать сапожки»).

в. [*Что Васе_i-дат.п. больше не покупать жене_j-дат.п. сапожки-вин.п.*], *быстро поняли все больные в палате* (утверждение об имеющем место положении дел).

Итак, есть основания трактовать русские инфинитивные конструкции с дат.п. носителя признака, как «двухкомпонентные» в терминах «Грамматики 1980», т.е. считать актанта в дат.п. не факультативным расширителем, а структурно обязательным компонентом.²¹ Многие предикативы имеют валентность на инфинитивный оборот, ср. примеры (9аб), а некоторые из предикативов имеют валентности на дополнения в беспредложном косв.п. (вин.п. или род.п.), см. примеры (9вг):

(9) а. *Васе_i-дат.п. можно/надо/нельзя* [*PRO_i покупать жене_j сапожки*].

б. *Васе_i-дат.п. нужно/жалко/противно* [*PRO_i покупать жене_j сапожки*].

в. *Васе_i-дат.п. жалко жене_j-вин.п.*

г. *Васе_i-дат.п. жалко больших денег-род.п. на сапожки для жены_j.*

Можно выделять промежуточную зону между ДПС с предикативом и ДИС с инфинитивом. В некоторых контекстах предложения двухчастной схемы $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$ выражают почти те же модальные значения, которые в трехчастной схеме $N_{\text{dat}} — V_{\text{link}} — \text{Pred}$ выражаются предикативами *можно, нельзя, надо, необходимо* или безличными глаголами *предстоит, надлежит*, ср. (10аб) и (10в)²²:

(10) а. *Ой, бежать Васе-дат.п. — за пивом!*

б. *Васе-дат.п. надо бежать за ивом.*

²¹ Отстаиваемая в работах Г.А.Золотовой, ср. (Золотова 1982), трактовка дат.п. при предикативе как подлежащего или, по крайней мере, подлежащеподобного элемента, т.е. актанта, противопоставленного предикатной синтагме и занимающего привилегированное положение в иерархии ИГ, не кажется чем-то из ряда вон выходящим.

²² Подборку примеров на обе модели, с парафразами, их соединяющих, см. в кн. (Всеволодова 2000, 249). М.В.Всеволодова, исповедующая функционально-коммуникативный подход к синтаксису, сводит модели с дат.п. при предикативе и дат.п. при инфинитиве в одну рубрику «модель с именем субъекта в форме S_d», не приводя формальной аргументации.

в. *Васе-дат.п. **предстоит** бежать за пивом.*

При добавлении предикатов типа *надо, предстоит* в двухчастную схему $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$ обе модели дативного предложения будут почти неразличимы:

Рис. 2. Две модели дативного предложения в русском языке

	Схемы с инфинитивом (ДИС)	Схемы с предикативом (ДПС)
Минимальная реализация	$[N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}]$	$[N_{\text{dat}} — V_{\text{link}} — \text{Pred}]$
Расширенная реализация	$[N_{\text{dat}} — \text{Pred} — V_{\text{inf}}]$	$[N_{\text{dat}} — V_{\text{link}} — \text{Pred}] — V_{\text{inf}}$

Подстановка предикативов проходит, однако, не всюду, где встречаются предложения схемы $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$. Даже там, где она возможна, интуиция не позволяет считать, что пары типа *Васе бежать за пивом ~ Васе **надо/предстоит** бежать за пивом* объясняются эллипсисом управляющих инфинитивом модальных слов *надо/предстоит*²³. Полная омонимия двух конструкций имела бы место, если бы в схеме $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$ была нулевая связка *быть*, т.е. если эту схему интерпретировать как $N_{\text{dat}} — \emptyset — V_{\text{link}} — V_{\text{inf}}$. Авторы «Грамматики 1980» указывают, что отдельные инфинитивные предложения «имеют формы пр. и буд.вр.» (ср. *Нам вместе работать ~ нам **было** вместе работать ~ нам **будет** вместе работать*), где появляются ненулевые формы глагола «быть» (*было* и *будет*), но ясной формулировки, что эти последние есть именно связки, коррелирующие с нулевой связкой «быть» в предложениях типа *Нам $\emptyset — V_{\text{link}}$ вместе работать*, в соответствующем разделе (Грамматика 1980 II, 373-378) нет. Гипотезу о наличии нулевой связки в инфинитивном предложении выдвинула Н.Кондрашова в работе 1993 г., но позже автор гипотезы пересмотрела свои взгляды, ср. (Kondrashova 2007). Как напоминает Н. Кондрашова, нулевая связка чередуется с ненулевыми формами связки прош. и буд. вр., а также с формой *есть*. Последние не сочетаются с ненулевыми модальными операторами *надо, можно, нельзя*, ср. неграмматичные примеры (11аб). В схемах с предикативом данного ограничения нет, см. (11вг):

(11) а. *Нам-дат.п. **надо было** где спать.

б. *Маше-дат.п. **есть** с кем **можно** гулять²⁴.

в. Васе **надо было** спать.

г. Маше уже **можно было** гулять.

Эти факты подтверждают правильность подхода традиционной русистики, которая трактует схемы с дат.п. при предикативе и дат.п. при инфинитиве как разные конструкции. Авторы «Грамматики 1980», говоря о формах, включенных в парадигму

²³. Собственно, это и является основанием для выделения особой структурной схемы $N_{\text{dat}} — V_{\text{inf}}$.

²⁴. Примеры Н.Кондрашовой из (Kondrashova 2007).

предложения, избегают термина «связка» и не сообщают читателю о том, что схемы с предикативом (ср. *Холодно. Грустно*) связочные²⁵. Но их анализ de facto свидетельствует о том, что позиция связки, в том числе, нулевой связки, различает ДПС и ДИС. Еще раз повторим, что такое различие не нужно в рамках «Грамматики 1980», где дативное предложение не выделено в особый тип, но оно нужно для адекватного описания русского синтаксиса, с позиций какой бы теории его ни описывать.

Мы пришли к выводу о том, что две наиболее продуктивные дативные схемы — ДИС и ДПС — имеют несходные свойства: ни теоретических, ни эмпирических оснований объединять их нет. Представим этот результат в форме таблицы:

Рис. 3. Параметры ДИС и ДПС в русском языке

	ДИС	ДПС
Минимальная схема	[N _{dat} — V _{inf}]	[N _{dat} — V _{link} — Pred]
Расширенная реализация	[N _{dat} — Pred — V _{inf}]	[N _{dat} — V _{link} — Pred] — V _{inf}
{+ Одушевленность} субъекта	Нет	Да
Семантическая роль субъекта (базовое значение)	Модальный субъект (алетическая модальность)	Субъект состояния
Интерференция с сентенциальными подлежащими (СПs)	Нет	Да
Лексический охват	Открытый класс	150-160 именных предикативов
Механизм приписывания дат.п. семантического субъекта	Нелексический: дат.п. не приписывается какой-либо вершиной и является встроенной характеристикой нефинитного предложения	Лексический: дат.п. приписывается предикативом как лексической вершиной

Еще одним параметром, различающим ДИС и ДПС, является статус предикаций, где они реализуются. ДПС встречаются как в элементарном, так и во вставленном предложении (embedded clause), являющейся частью большего комплекса: различий в семантике не просматривается: *Васе холодно vs Катя не знала, [что Васе было холодно]*. ДИС ориентированы на главное предложение: запрета на их употребление в придаточном нет, поэтому соответствующее ограничение почти не отмечается. Но тут ДИС и ДПС могут заменять друг друга в контексте, что исключено в главном предложении. Предложения *Васе завтра **нужно** рано идти на работу* (ДПС) и *Васе завтра рано идти на работу* (ДПС) могут относиться к одной и той же денотативной ситуации, но описывают ее по-разному. В первом случае необходимость рано идти на работу концептуализуется как

²⁵. Ср. (Грамматика 1980 II, 378-379).

внутреннее требование/моральное обязательство X-а – несоблюдение этого требования приведет к нежелательным последствиям для самого X-а. Этой цели соответствует выбор предиката состояния *нужно сделать что-л.* «одушевленный X будет находиться в состоянии внутренней необходимости совершить действие α в течение отрезка времени от момента речи до начала осуществления», и, соответственно, схемы ДПС. Напротив, ДИС выражает значение внешней, алетической необходимости «мир устроен так, что наступление события α {уход X-а завтра рано утром на работу} неизбежно». Этой цели соответствует выбор схемы ДИС с инфинитивом в позиции главного предиката. Коммуникативные различия между описанными значениями достаточно велики для того, чтобы ДИС и ДПС в главном предложении не смешивались. Но если ДИС вставлено в придаточное предложение, различия могут погашаться, и ДИС с ДПС окказионально подменяют друг друга, ср. (12а) и (12б):

12. а. Я не знал, [что [**Васе** завтра { $\emptyset$ } рано **идти** на работу]].

б. Я не знал, [что [**Васе** завтра **нужно** рано идти на работу]].

Если наш анализ верен, в примерах вроде (12аб) имеет место не синонимия значений и не тождество синтаксических схем — (12б) нельзя получить из (12а), а (12а) можно получить из (12б), лишь трактуя нулевой оператор алетической модальности { $\emptyset$ } как эллипсис ненулевой лексемы *нужно*, что как показано выше, опровергается материалом — а синтагматическая подстановка: информация о состоянии X-а в контексте, где вероятность наступления события, связанного с X-м, оценивается некоторым Y-м, нерелевантна. Похожий случай разобран нами в начале статьи на примерах (1а), и (1б), где ДПС с предикативом *нетрудно кому-л.* и глагольно-безличная конструкция *не затруднит кого-л.* оказались синтагматическими вариантами: как мы могли убедиться, сами эти схемы не сводимы друг к другу по семантике и структурным свойствам.

Прагматическое сближение ДПС и ДИС в зависимой предикации реализуется при лексических значениях двух типов, соответствующих логическим операторам $\diamond$ (ср. русские предикативы *можно, возможно*) и $\square$ (ср. русские предикативы *необходимо, нужно, надо*) или $\neg \diamond$ (ср. русские предикативы *нельзя, невозможно*), и только в том случае, когда субъект ДИС является одушевленным. При этом варьирование схем с инфинитивом и схем предикативом встречается в зависимой предикации не только при дат.п. лица с референтным значением, но и при внешне невыраженном генерическом субъекте, ср. (13а) и (13б) ниже. В этих примерах мы глоссирем невыраженный субъект инфинитива символом PRO: PRO по определению имеет ту же референцию, что и инфинитив зависимой предикации, при этом его референция может совпадать или не

совпадать с референцией актантов главного предложения. Нулевой алетический оператор в (13а) обозначим как $\{\emptyset\}$, не договариваясь заранее, является ли $\{\emptyset\}$ синтаксическим элементом, или же только элементом значения инфинитивной конструкции.

(13) а. Вася_i показал_i всем нам_j, [CP как [IP PRO_{i/j/k} $\{\emptyset\}$ _{i/k/j} сдать_{i/k/j} экзамен с первого раза]].

б. Вася_i показал_i всем нам_j, [CP как ______{i/k/j} **можно**_{i/k/j} [IP PRO_{i/j/k} сдать_{i/k/j} экзамен с первого раза]].

Нулевой семантический субъект в (13аб) имеет генерическое значение, поэтому нельзя исключить, что у PRO тот же индекс, что у подлежащего *Вася*, или тот же индекс, что у дополнения *всем нам*, хотя условием правильного употребления это не служит²⁶. В формальном плане инфинитив *сдать* берет свои индексы от PRO, который берет их от лексической вершины *можно*; последняя, в свою очередь, получает их от внешне не выраженного подлежащего (оно обозначено прочерком после союза *как*). Для соотнесения инфинитива *сдать* с предикатом главного предложения (*показал*) количество шагов не важно: добавление вершины *можно*, которая управляет инфинитивом *сдать*, автоматически удлинит цепочку на два звена (сам предикат *можно* и его гипотетический нулевой субъект), но итог будет тот же, что в простом случае (13а). Анализ в терминах PRO, при всей догматичности, верно эксплицирует тот факт, что предикат всегда получает референтные характеристики от своего субъекта, а инфинитив получает свои характеристики от вышестоящего предиката. Нулевой модальный оператор $\{\emptyset\}$ для объяснения синтаксиса инфинитивной структуры (13а) не нужен: он нужен лишь для объяснения того факта, что данная структура выражает значение алетической модальности. С другой стороны, ненулевой модальный оператор *можно* нужен как для обоснования семантики, так и структурных связей в (13б). Этот неполный параллелизм, вероятно, подтолкнул часть отечественных и зарубежных славистов к неверному отождествлению схем с предикативом и инфинитивом под загадочной рубрикой «дативное предложение».

Попробуем изменить схему и добавить к имеющимся в (13а) позициями ИГ дат.п. лица *студенту*: так как ИГ *студенту* обладает признаком $\{+ \text{одушевленность}\}$, на ее основе можно развернуть не только ДПС, но и ДИС:

(14) а. Вася_i показал_i всем нам_j, [CP как [IP **студенту**_{i/j/k} PRO_{i/j/k} $\{\emptyset\}$ _{i/k/j} сдать_{i/k/j} экзамен с первого раза]].

---

²⁶ Можно сконструировать ситуацию, где X, показывающий Y-у, как совершить действия, доступные лицам категории Z (в данном случае — *студентам*), сам не относится к лицам категории Z, либо Y не относится к Z-ам.

б. Вася_i показал $_i$ всем нам $_j$, [CP как [IP студенту $_{i/j/k}$ можно $_{i/k/j}$ [IP PRO $_{i/j/k}$ сдать $_{i/k/j}$ экзамен с первого раза]].

Очевидно, что ИГ *студенту* в (14аб) имеет генерическое значение; его референция может пересекаться с референцией ИГ *Вася* и ИГ *всем нам*, что мы уже видели выше на примерах (13аб). Замена генерического субъекта на референтный, ср. выражение *Петя* в (15аб), сразу делает фразу менее приемлемой: это объясняется тем, что нулевой или ненулевой модальный оператор имеет более широкую сферу действия и может относиться не только к субъекту зависимой предикации (*Петя_k*) или к актантам главного предложения (*Вася_i*, *все мы_j*), но к некоторому неназванному *Ване*.²⁷

(15) а. [?] Вася_i показал $_i$ всем нам $_j$, [CP как [IP Пете $_k$ PRO $_{k/l}$ { $\emptyset$ } $_{k/l}$ сдать $_k$ экзамен с первого раза]]. (в смысле: Петя студент и сдает экзамен другим лицам).

б. [?] Вася_i показал $_i$ всем нам $_j$, [CP как [IP Пете $_{/k}$ можно $_{/k/l}$ [IP PRO $_{/k/l}$ сдать $_{/k/l}$ экзамен с первого раза]]. (в смысле: Петя студент и сдает экзамен другим лицам).

Тем самым, синтагматическая взаимозаменяемость ДИС и ДПС ограничена узкой зоной и реализуется в контексте лишь при наличии ряда условий:

- Прагматическая близость ДИС и ДПС возможна только в составе зависимой предикации в контекстах, где информация о внутреннем состоянии лица нерелевантна.
- Прагматическая близость ДИС и ДПС возможна только при одушевленном субъекте ДИС и при предикатных значениях типа МОЖНО и НУЖНО, которым соответствует строго ограниченное число предикативов в ДПС.
- Прагматическая близость ДИС и ДПС возможна только при генерическом субъекте, референция которого примерно совпадает со сферой действия модального оператора. В этом случае происходит аттракция инфинитива зависимой предикации к подлежащему и предикату главного предложения.

Подытоживая наш экскурс, мы вправе заметить, что материал русского языка не только стимулировал русистов на верные наблюдения надо синтаксисом дативных схем, но и подтолкнул их к ряду неверных обобщений, с которыми приходится бороться, обсуждая популярные ныне теории. *Носителям языка*, в том числе очень квалифицированным,

---

²⁷ Встает вопрос, как совместить сделанный нами вывод о том, что ИГ в дат.п. лица имеет признаки грамматического подлежащего в ДПС, ср. (14б), и ДИС, ср. (14а), с тезисом генеративной грамматики Н.Хомского о том, что в любой инфинитивной группе есть нулевое подлежащее PRO: данная проблема носит технический характер и мы позволим себе ее здесь не касаться. Подчеркнем лишь, что предложенный нами анализ ДИС и ДПС не зависит от признания или отрицания PRO.

трудно или почти невозможно (ДПС) составить себе непосредственную интуицию о подлежащем статусе дат.п. лица или о целесообразности объединения/ различения тех или иных схем, если они не сличают конкурирующие между собой концепции, проверяя доказательность сделанных в них допущений. Простое воспроизведение ярлыков типа «структурная схема», «подлежащее», «PRO», «категория состояния» и т.п., из какой бы традиции они ни были взяты, является путем в никуда. А значит, *всем нам еще работать и работать* (ДИС).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем. // *Russian Linguistics*, Vol.9, N 2-3, 1985, 280-315.
- Бонч-Осмоловская А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил.наук. М., МГУ, 2003..
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*, М., 1982, 7-85.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник. М., МГУ: 2000.
- Грамматика 1980 - *Русская грамматика*. АН СССР, т.1-2. М.: Наука, 1982.
- Гришина Н.И. Дативные предложения в парадигматическом аспекте. М., 2002.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Мельчук И.А. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // *Модель Смысл-Текст и проблемы русской грамматики*. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. Москва-Вена, 1995, 169-205.
- Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // *Семантические типы предикатов*, М., 1982, 86 -157.
- ТРК 1983 - Типология результативных конструкций /Недялков В.П. (ред.). Л., 1983.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.- Л., 1974.
- Циммерлинг А.В. История одной полемики // *Язык и речевая деятельность*, 1998, № 1, 63-88.
- Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки // *Логический анализ языка. Образ человека в зеркале языков и культур*/Арутюнова Н.Д. (ред.). М., Индрик, 1999.
- Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Babby L. Subjectlessness, External Subcaterization, and the Projection Principle // *Journal of Slavic Linguistics*. 10 (2002), 341-88.
- Fortuin E. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // B.Hansen & P. Karlik (eds.). *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. München, 2005.
- Franks, S. *Parameters of Slavic Morphosyntax*. Oxford: OUP, 1995.
- Kondrashova N. The Source of Modality in Russian Dative-Infinitive Structures // *SLS-2 Meeting*, Berlin, August 22-26, 2007.
- Mel'čuk Igor. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // *Proceedings of the Berkeley Linguistic Society*, 1979. Berkely: UCB, 224-260.
- Moore, J. and D. Perlmutter. What Does it Take to Be a Dative Subject? // *Natural Language and Linguistic Theory* 18 (2000), 373-416.
- Sigurðsson, Halldór Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // *Natural Language and Linguistic Theory* 20 (2002), 691-724.
- Szucsic, L. Dative Experiencer-like NPs and Subjecthood in Slavonic Languages. BASEES Conference 31 March- 2 April 2007.
- Zimmerling A. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69* (2007).
- Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // *Formal Slavistics*, vol. 7 / P.Biskup, D.Lenertova, L.Szucsic, U.Junghanns, G.Zybatow (eds). Frankfurt: Peter Lang, 2008.